- Простите меня.

Тишина воцарилась на пляже, когда все, включая его родных, уставились на Гаару.

Красноволосый под их взглядами неловко переступил с ноги на ногу. Его старый порыв использовать Песчаный гроб на людей, которые создали с ним зрительный контакт, на секунду вернулся, прежде чем он отмахнулся от него. По крайней мере, это было не так плохо, как ненавистные взгляды. Плюс, это был первый шаг к прощению, поэтому он собирался справиться с любыми негативными чувствами, которые у него были.

Затем его родственники расслабились и улыбнулись. Их уважение, любовь и гордость за брата выросли еще больше.

Рейна была следующей, кто отошел от шока. Она искала подходящие слова, чтобы выразить свои чувства. Ей не особенно нравились трое детей, а напряженный взгляд Гаары был чрезвычайно пугающим, но теперь, когда она увидела их так близко, то поняла, что в действительности они не были теми монстрами, которых она себе представляла.

- Пожалуйста, не извиняйтесь за то, что выжили, - она прижала руки к груди. - Вы имеете полное право жить.

- Большинство людей так не думает, - фыркнул Канкуро, закрывая глаз.

- Но... я убил твоего брата. - Гаара был сбит с толку. Он бы не был так мил, будь на ее месте. - Ты должна ненавидеть меня. Ты не можешь... простить...

Рейна глубоко вздохнула.

- Не могу. Даже если он делал плохие вещи, он - все же мой брат, поэтому я не могу простить человека, который так легко его убил, - честно ответила она, надеясь, что не будет убита за это.

Возможно, Баки сможет остановить Гаару, если тот нападет.

- Но... я понимаю, почему ты это сделал. И я не ненавижу тебя, потому что... - она бросила взгляд на Баки, а затем снова посмотрела на мальчика. - ... я действительно тебя не знаю.

Гаара сделал шаг назад от удивления. Кто была эта женщина? Как она могла его не ненавидеть?

Джинчурики настолько привык к ненависти, что даже мысль не быть ненавидимым всеми, казалось ему невозможной. Если эта женщина не ненавидела его даже после того, что он сделал...

Может быть, остальная Суна тоже однажды примет его.

- Черт, это точно, - добавил Юдай.

Не зная, как быть тактичным или милым, он указал на Баки

- К тому же, этот парень развлекал все отряды в течение последних нескольких дней рассказами о ваших совместных миссиях. Приятно знать, что теперь будет больше историй, когда вы трое вернетесь.

Братья и сестра мысленно застонали. Темари надеялась, что сэнсей не поделился наиболее неловкими подробностями некоторых из их маленьких неудач. Как та миссия, где они бросили Канкуро без сознания в шкафу и забыли о нем.

- Хм…

Все повернулись посмотреть на чунина Ацуши.

- Итак, все умерли, кроме вас троих?

- Да, - кивнула Темари.

Вместо того, чтобы рассердиться, как ожидал Гаара, тот безучастно поднял глаза.

- По крайней мере, теперь мы уверены в их судьбах. Где находятся все трупы?

- Следуйте за мной, - ответил Гаара, отправившись в путь по пляжу.

Все переглянулись, прежде чем последовать за мальчиком. Спустя некоторое время Канкуро вздохнул.

- Да, я помню это место…

Тошиа внезапно остановился.

- Я не хочу видеть гниющее тело моей жены, - сказал он сквозь стиснутые зубы, его глаза увлажнились на секунду, но он сдержал слезы от своих эмоций.

Шиноби не должен был плакать, даже при смерти самого дорогого и любимого человека. Каким-то образом, несмотря на годы тренировок, которые он прошел, нескольким слезам все же удалось пролиться. Тот факт, что это считалось слабостью, не заставлял боль уйти.

- Не беспокойся об этом, - вздохнула Темари, ее голос смягчился от сочувствия. - Мы позаботились о том, чтобы к каждому гражданину Суны относились с уважением, даже после их смерти.

Они прошли поворот и подошли к кладбищу. Баки и остальная команда расширили глаза при виде больших песчаных холмов, выстроившихся вдоль берега.

- Это... отдельные могилы? - спросила Рейна, делая маленький шаг вперед.

- Да. У каждого своя. Все находятся здесь, - ответил Гаара.

После нескольких минут скорбной тишины, все отвернулись и пошли туда, откуда пришли.

Трое родственников были удивлены отсутствием отчаянных рыданий от ниндзя. Удивительно, насколько они привыкли к человеческой свободе выражения эмоций, которой не хватало шиноби. Сейчас даже они вернулись к этому оцепенелому, сосредоточенному чувству.

Темари вспоминала те времена, когда ее слезы проливались во время пребывания с семьей. Если бы она сделала то же самое в Суне, ей было бы стыдно за себя. Ниндзя, особенно из их деревни, должны были иметь каменные сердца.

Она чуть не рассмеялась. Кого они пытались обмануть? Ни один человек не способен по-настоящему избавиться от эмоций. Они просто мирились со всем этим фарсом ради чести, гордости и чтобы выглядеть круто в бою.

Они всю свою жизнь копили в себе гнев, чувство одиночества и любовь, и все это переполнило их, когда они потерпели кораблекрушение, когда поверили, что их никогда не будут судить или ожидать, что они будут держаться в первых рядах. Вся их боль и слезы, которые они скрывали, всплыли на поверхность... Им нечего было скрывать друг от друга.

Но теперь они снова почувствовали эту каменную руку вокруг своих сердец. Их лица были спокойны и сдержанны, независимо от того, как они себя чувствовали.

Братья с сестрой никогда не понимали, до какой степени «эмоциональная подготовка» на самом деле была просто занятиями актерского мастерства.

Так или иначе, часть этого острова навсегда останется с ними. Напоминая им об уроках, которые они усвоили - о семье, любви и Гааре. Они всегда впитывали опыт и использовали его с пользой.

Поэтому, когда они наблюдали, как остров исчезает на горизонте, когда они отплыли, родственники попрощались с хижиной, которую они строили целыми днями, этой рекой, этими странными существами, водопадом и оставили Остров Могил позади. Они обменялись последним, понимающим взглядом, прежде чем очистить свои лица.

Они снова были шиноби.

***

- ... мы хотим сказать, что наш дорогой Казекаге-сама, он же – ваш отец, потопил этот корабль специально, чтобы уничтожить Гаару-сан. Для него ничто другое не имело значения, кроме этого. Он даже сделал так, чтобы поисковые отряды никогда не нашли обломки корабля. К счастью для вас, мы не следуем приказам, - наконец не выдержал Юдай, раздраженный попытками других шиноби объяснить все помягче.

Это не делало правду менее ужасной, так что с таким же успехом можно быстро сорвать повязку с глаз. Его не особо волновали муки трех потомков Казекаге. Они все пострадали. Тем не менее, он почувствовал себя слегка виноватым, когда увидел потрясение на их лицах.

Трое родственников ожидали чего-то подобного, но это не помешало тошнотворно болезненному чувству ударить по ним, особенно по Гааре.

Еще одна попытка убийства? И он был готов пожертвовать даже Канкуро с Темари. Как трогательно с его стороны. Если он так сильно хотел его смерти, то должен был убить его сам и оставить других невинных людей в покое.

И подумать только - он, бессердечный демон пустыни, почти готов был, может быть, попытаться положить конец полным ненависти отношениям, которые разделял с отцом, после того, как понял, как важна семья... Он с отвращением фыркнул. Иногда любовь действительно приносила только боль, которая сопровождает предательство.

- Он нам не отец, - горько прорычал Канкуро, его переполняли гнев и печаль. - Он наш... начальник.

Баки сглотнул, не зная, что сказать. Вместо этого он решил просто молча продолжать накладывать повязки Канкуро, хмурясь, так как понял, что парень был действительно в ужасной форме.

- Кое-кто разозлится, когда мы вернемся, - раздраженно вздохнула Темари, ощупывая шрам на голове.

Ей хотелось выглядеть так же безупречно, как Гаара, вместо того, чтобы заниматься всеми этими порезами и синяками. Ей хотелось казаться свежей и счастливой, чтобы она могла легко притворяться, будто ничто не может причинить ей боль.

Однако, взглянув на Канкуро или на куноичи, было совершенно очевидно, что за свою короткую жизнь они много раз проходили через ад.

Гаара - другое дело. Его лицо было спокойнее, хотя внутри он пострадал гораздо больше, чем мог представить любой из этих людей.

Зная, что придется снова встретиться с отцом... Это пугало его. Он не хотел снова видеть этот взгляд, полный ненависти и разочарования. Чтобы на него смотрели как на отвратительного, бешеного питомца, словно не могли дождаться, чтобы усыпить.

Гааре надоело, что на него смотрят как на циркового урода. Он хотел, чтобы на него смотрели так же, как смотрят его брат и сестра. Даже то, как люди в лодке смотрели на него, со спокойным признанием, несмотря на крайнее недоверие, было лучше, чем взгляд отца.

Одна только мысль об этом почти разозлила его, и он почувствовал, как шевелится Шукаку. Моргнув, джинчурики попытался сосредоточиться на разговоре, который вели окружающие.

В первую очередь, он обратил внимание на странный разговор его сестры с единственной другой куноичи в лодке.

- У вас есть... вы-знаете-что? - прошептала Темари.

- Да. Ох, у тебя?.. - Рейна сочувственно похлопала блондинку по плечу.

- Угу. Не самое подходящее время, я знаю, - проворчала Темари.

- Ты должна была спросить меня раньше. Нам придется подождать, пока мужчины уснут. Мы могли бы взять одну из ночных смен, - предложила брюнетка.

- Спасительница. Спасибо, - вздохнула девушка, прежде чем заметила, что Гаара озадаченно смотрит на нее.

Она неловко улыбнулась, но бросила на брата взгляд, который ясно сказал, что он никогда не узнает, о чем говорили две дамы.

Это показалось ему ужасно подозрительным, но он отбросил это, потому что перепады настроения Темари беспокоили его.

Через несколько минут его родные начали рассказывать о своем пребывании на острове. Конечно, опуская несколько важных деталей. Вроде того, когда он чуть не убил их. Или, когда Канкуро чуть не убил его.

Эти события они сохранят внутри себя. Никто не должен был знать. Никто никогда не поймет.

***

- Какой крохотный, слабенький малыш. Я всегда буду защищать тебя... Гаара! - разрыдалась Карура, обнимая своего маленького недоношенного ребенка.

Ее губы растянулись в счастливой улыбке, а глаза начали закрываться.

- Карура... Карура! - закричал Казекаге, проводя рукой по щеке жены. – Нет! Не оставляй меня...

Его любовь медленно моргнула в последний раз, и ее улыбка наполнилась одновременно любовью и горем.

- Прости меня... - прошептала она, чувствуя, как жизнь покидает ее.

Глаза внезапно распахнулись в истерике, когда медик забрал ее маленького рыжеволосого сына. Она начала говорить быстрее.

- Обещай, что позаботишься о наших детях? Дай им всю любовь, которую я хотела бы им дать. Ты их отец... Ты им нужен, - она сделала резкий вдох. - Даже если я умру... Я всегда буду рядом с тобой... наблюдать... Я... я люблю тебя...

Мужчина смотрел, широко раскрыв глаза, когда его жена перестала двигаться, ее глаза были все еще слегка приоткрыты, а на лице была печальная улыбка.

- ... Я тоже тебя люблю, - пробормотал он, хотя знал, что она больше его не слышит.

Моргнул, сдерживая слезы. Он сможет разрыдаться от боли позже. Не перед медиками.

Он встал и в последний раз провел пальцами по волосам своей жены. Закрыл глаза и попытался выжечь это чувство в своей памяти навсегда. Ее мягкие волосы. То, какой всегда гладкой была кожа на ее лице под его рукой. Как ее розовые губы соприкасались с его губами.

Он открыл глаза. Теперь все ее лицо было белым.

Он отступил от мертвого тела.

- К-Казекаге-сама? Хотите подержать мальчика? - осторожно спросил один из медиков.

Его начальник глубоко вздохнул и собирался отказаться, но потом кивнул. Ему вручили крошечный сверток.

- Он должен выжить, несмотря на свой размер. Процесс запечатывания прошел успешно, - безжалостно выдохнула бабушка Чиё.

Казекаге повернулся, чтобы посмотреть на ее лицо, и, внезапно понял, что никого в своей жизни не ненавидел кого-то так сильно, как ненавидел ее. Из-за того, что она запечатала биджу внутри ребенка - его жена умерла.

Затем он вспомнил. Это он приказал, чтобы демон был запечатан в его сыне. Себя он тоже

ненавидел.

- Да. Это так... У меня есть минута? - спросил он.

Все медики поклонились и вышли из больничной палаты.

Когда он остался один, Казекаге впервые посмотрел на лицо своего ребенка. Тот был настолько мал, что мог поместиться на одной из его ладоней, а его рыжие волосы были покрыты кровью...

Это действительно был его ребенок? Он был таким маленьким и милым... Как он мог быть жив? Почему он должен был забрать жизнь своей матери? Внутри него действительно был монстр?

Все эти вопросы вылетели у него из головы, как только мальчик открыл свои крохотные глаза с черными веками.

Две сферы цвета морской волны, наполненные всей невинностью и красотой этого мира, встретились с его темными, усталыми. Одна из маленьких ручек малыша разжалась и нежно коснулась лица отца. Прозвучал негромкий возглас.

Несмотря на боль, губы Казекаге дернулись вверх.

- Привет... Гаара...

Мужчина повернулся, чтобы посмотреть на безжизненную фигуру своей жены.

- Я обещаю. Обещаю, что позабочусь о них.

***

- Вставай, - рявкнул он на четырехлетнего красноволосого. - Ты должен контролировать песок.

Задыхаясь, Гаара поднялся.

- Да, папа...

Пара находилась в уединенной части деревни, чтобы избежать «несчастных случаев» во время тренировки Гаары. Ребенок сосредоточенно нахмурился и снова попытался поднять немного песка над головой. Вместо того, чтобы медленно подниматься, как он хотел, тот взлетел в воздух как ракета, испугав малыша.

Казекаге сдержал вздох и смешал свою золотую пыль с песком, чтобы вернуть его на землю.

- Тебе не хватает контроля...

Рыжий медленно кивнул, его глаза блестели от слез.

- Поэтому все в деревне меня так ненавидят? - спросил ребенок.

Его отец стиснул зубы.

- Нет. Но если ты будешь контролировать его лучше, то они будут любить тебя больше, - раздраженно кивнул Казекаге, сумев растоптать назойливое чувство вины, которое наполняло его сердце всякий раз, когда он видел это выражение лица у своего сына.

Гаара шаркнул ногой, прежде чем со страхом взглянуть на него.

- Т-ты тоже ненавидишь меня, отец? Потому что я не могу это контролировать? - прошептал мальчик.

- Конечно, нет, - поспешно ответил мужчина, раздраженный тревогами своего ребенка.

Тот должен больше беспокоиться о тренировках.

- О... О... - пробормотал Гаара, погруженный в свои мысли. - Я думаю, всё в порядке, даже если все остальные меня ненавидят, пока отец этого не делает.

Казекаге разочарованно помассировал лоб. Может ли этот ребенок когда-нибудь сосредоточиться?

- Гаара! - прорычал он более злобно, чем хотел. - Мы тренируемся! Прекрати разговаривать сам с собой и работай над контролем!

- Ах! Да... П-прости, - ахнул Гаара, и глаза снова налились слезами.

Насколько несчастным чувствовал себя его ребенок?

Песок, автоматически реагируя на настроение, начал угрожающе кружиться вокруг площадки.

- Гаара, – вышел из себя мужчина. - Как шиноби, ты должен контролировать и свои эмоции.

- А-а, - выдохнул мальчик, сосредоточенно зажмурившись, пока песок не упал на землю.

Он открыл глаза с черными кругами вокруг них.

- Я это контролировал?

Его отец вздохнул.

- Да.

От незначительного комплимента лицо ребенка сразу же засветилось.

- Значит, я на этот раз не слишком разочаровал тебя? Я хорошо справился? - спросил Гаара, отчаяние в его голосе слегка напугало отца.

Мужчина не мог не почувствовать себя чудовищем, когда услышал эти слова.

- У тебя получилось лучше, - заверил он.

На лице Гаары вспыхнула огромная улыбка, и, прежде чем Казекаге успел среагировать, сын вцепился ему в ногу. Казекаге внезапно почувствовал себя очень смущенным и обрадовался тому, что как бы ни по-ребячески вел себя его сын, он знал, что тот никогда не сделает этого публично. Как только он собрался отчитывать своего бойца за то, что тот вел себя как обычный человеческий ребенок, на площадку вышел светловолосый мужчина.

- Казекаге-сама... Пришло время обеда Гаары-сама... - произнес он спокойно, удивленно поднимая бровь при виде своего зятя, пытающегося стряхнуть с себя ребенка.

- Яшамару! - воскликнул рыжеволосый, еще шире улыбаясь.

Он отпустил отцовскую ногу, но в последнюю минуту, казалось, передумал и снова вцепился в своего родителя, глядя застенчиво-виноватым взглядом, как будто знал, что попадет в неприятности из-за этого.

Казекаге был сбит с толку. Гаара обычно бежал к своему дяде не оглядываясь. Его ногу было так приятно обнимать?

Прежде чем смог остановить себя, он взъерошил рыжие волосы ребенка.

Он ничего не мог с собой поделать. Глаза его сына сияли такой любовью, когда тот смотрел на него...

Он был в ужасе от того, что поддался своим человеческим инстинктам, но не мог сердиться, когда глаза Гаары засверкали такой чистой радостью, и лицо мальчика прижалось к его бедру, а затем подалось назад с громким: «Чмок!».

… Поцелуй? И это был результат запечатывания кровожадного демона в ребенка? Какое жалкое зрелище...

- Иди к Яшамару сейчас же, - он вздохнул, проведя рукой по волосам. - Завтра мы продолжим тренировку.

- ХОРОШО! - засиял рыжий и побежал обнимать своего дядю.

Казекаге покачал головой. Слишком много эмоций. Недостаточно контроля. Может быть, он должен быть гораздо более строгим, чтобы Гаара мог понять разницу между «папой» и «боссом».

Однако было трудно быть с ним суровым, независимо от того, насколько он был разочарован.

Его сын был таким милым.

***

Кровь на улице. Это могло означать только одно.

Гаара потерял контроль. Снова. Но на этот раз это привело к смерти.

Часть его надеялась, умоляла, чтобы это предположение было ошибочным. Гаара был таким милым мальчиком... Он не мог убить одного из своих односельчан.

Рыжеволосый прошел мимо и, как только встретил его взгляд, отвернулся, глаза были полны чувства вины и слез.

Так. Это был он.

Он не знал, что и думать. Эмоции представляли собой смесь досады, ненависти к себе, гнева, разочарования, ненависти к Гааре и все же немного сочувствия к сыну.

Он всегда знал, что может произойти что-то подобное. Совет постоянно напоминал, что Шукаку трудно контролировать. Но он надеялся, что его плоть и кровь сможет преодолеть эти трудности.

Оказалось - нет.

Хотя ему было всего шесть. Как мог такой маленький и невинный человечек убить. По крайней мере, он был способен убивать... Это была его работа как шиноби.

Но не должен был убивать жителей Суны!

Этого больше не повторится. Он должен защитить свою деревню. Это был его долг. Он так сильно любил свою деревню... но также любил и своего сына, как бы ни был разгневан.

Из ниоткуда появился человек.

- Лорд Казекаге! Совет хочет вас видеть! - объявил посланник.

Как только он исчез, мужчина застонал от разочарования.

У него не было времени все обдумать.

***

Контроль был почти идеальным. Если бы он был честным, то признал бы, что был слегка впечатлен. Приобрести такую власть над демоном за 6 лет было поистине поразительно, даже если здравомыслие его сына должно было быть потеряно в процессе. К сожалению, контроль не был... идеальным. У того все еще были промахи, когда он жестоко убивал противника. На самом деле, это, вероятно, уже было не ошибкой. Гаара любил кровь. Он наслаждался этим. Ему было все равно, чья она.

И это по-прежнему создавало угрозу для деревни.

Обменять счастье сына на совершенное оружие... Это не всегда казалось такой уж отличной идеей.

Но это то, что он имел, и, как Казекаге, он всегда найдет решение своих проблем.

Отец и сын сидели на земляной площадке, тяжело дыша.

- Тебе вряд ли нужно, чтобы я тренировал тебя дальше, Гаара. Пока ты не вредишь жителям деревни, я могу оставить тебя в покое. Сможешь с этим справиться? – прорычал он мальчику, заработав раздраженный вздох в ответ.

Это могло означать «да». Но он воспринял это как «нет». Этому ребенку никогда нельзя доверять. Никогда.

Тот больше не был человеком. Его глаза были пустыми и лишь изредка наполнялись жаждой крови или ненавистью. Больше не было никакого милого обожания от него. Может, все-таки так было лучше.

- Вот, - сказал он, передавая сыну бутылку, наполненную водой.

Из-за жары пустыни они оба вспотели.

Он нахмурился, когда Гаара не пошевелился, а просто уставился на его руку.

- Гаара. Это вода, - разозлился он.

Тем не менее мальчик отодвинулся и посмотрел на него, как испуганное, недоверчивое животное.

Правильно. Он пытался отравить его раньше.

Казекаге закатил глаза и сделал глоток из бутылки, чтобы показать сыну, что она безвредна. На этот раз, когда он вручил ему воду, Гаара ее взял.

Передавая предмет рыжеволосому, он кое-что понял. Рука Гаары дрожала.

Для него это было как сильный удар в живот - видеть, как сын смотрит на него вот так. Когда он посмотрел в глаза Гааре, он увидел себя таким, каким его сын, вероятно, его видел. Чудовище. Демон. Предатель. Убийца. Безжалостный человек. Худший отец в мире.

Я ненавижу тебя, отец. Хотел бы я, чтобы ты не был моим отцом. Мне жаль, что я не родился в другой семье.

Казекаге тоже этого хотел. Вспоминая того маленького ребенка, такого невинного, добросердечного, но сильного, умного и преданного, он хотел, чтобы Гаара был ребенком кого-то другого.

Чтобы тот был счастлив.

Но такова жизнь. Он не просил, чтобы его жена умерла, точно так же, как не просил сына терять контроль над Шукаку и превращаться... в это. В пустую оболочку из песка, наполненную горечью, ненавистью и тьмой.

В его глазах больше не было света.

Теперь он немного привык к этому. В конце концов, он был Казекаге. Был профессионалом в преодолении морального, нравственного права ради достижения желаемого результата.

Тем не менее он не мог помешать этим человечным моментам иногда возвращаться.

Гаара мягко подтолкнул бутылку в его сторону.

- Ты закончил отдых? - спросил он своего сына, забрав предмет.

Гаара на мгновение встретил его взгляд, прежде чем взглянуть на свои руки.

- Да, - ответил красноволосый тихим, глубоким, мрачным голосом.

Возможно, у Гаары тоже были эти человечные моменты.

Это была самая печальная сторона жизни шиноби. Долг преобладал над чувствами. Не то чтобы у него их было много.

Если избавление от сына было тем, что нужно, чтобы сохранить его деревню в безопасности, так тому и быть.

Сердце его было холодным. Он мог наблюдать, как сын проходит через всю жизнь, которую прожил, не разваливаясь на куски и не плача о неудаче в виде родителя.

Гаара? Он знал, как чувствовал себя этот мальчик.

Очень одиноко.

***

Он смотрел, как Гаара уходит на свою первую и последнюю миссию без предводителя-джонина. Ему потребовалось довольно много времени, чтобы убедить Баки, что они вполне способны справиться с миссией ранга B в Стране Воды. Все, что им нужно было сделать - это доставить сообщение.

Он увидел, как красная голова демона повернулась лицом к нему в последний раз. Гаара холодно посмотрел на него, и он смотрел в ответ, ничего не чувствуя. Ни грусти. Ни вины.

Ему потребовалось ожесточить свое сердце до такой степени, что мог убить своих детей. Теперь он был готов.

Это должно было быть сделано. Ради Суны.

Он ожесточенно сверкнул глазами и сердито выдохнул, когда в глазах Гаары внезапно мелькнула крошечная искра страха, прежде чем мальчик отвернулся.

Губы скривились в ухмылке. Это была напрасная трата двух остальных, но все это стоило того, чтобы избавиться от этого монстра, которого он создал.

Этот мальчик был проблемой. Так опасен. Так эгоистичен. Так полон ненависти к нему. Так...

***

Казекаге застонал, повернув голову, прежде чем открыть глаза.

Опять эти кошмары.

Он тихо рассмеялся. На этот раз сон был о Гааре.

Если его совесть считала, что это может проучить его, вызвав раскаяние воспоминаниями о Гааре, то она ошибалась. Он так сильно ненавидел этого ребенка с того самого дня, как тот убил свою мать. Этот монстр.

Не было никакого шанса, чтобы он почувствовал себя плохо, избавившись от самой большой ошибки, которую сделал в своей жизни. Он сделал все это для своей драгоценной деревни.

Мужчина протер глаза, полностью игнорируя влагу на своем заплаканном лице и повернулся набок, чтобы спать дальше.

Ужасный демон. Как он его ненавидел.